

Интригующий подтекст «скучной» книги: «Путевые записки...» Г.В.Геракова как источник для биографии Пушкина

Надежда Тархова

Книга Г.В.Геракова «Путевые записки по многим российским губерниям» (в 2 ч. СПб., 1828, 1830) не входит в круг библиографических редкостей, не содержит новых и сколько-нибудь значительных сведений о России 1820-х годов, не поражает ни глубиной восприятия, ни яркостью наблюдений, не привлекает она и чисто литературными достоинствами. Ее автор — человек образованный, но ординарный, не очень наблюдательный, неглубокий и старомодный, отодвинувший от себя все новые веяния русской жизни эпохи после наполеоновских войн, сентиментальный и, к тому же, назойливый моралист. Без определенного и специального интереса вряд ли захочется обращаться к подобному сочинению, появившемуся почти два века назад, да еще и статью ему посвящать.

Специальный интерес, однако, присутствует. Автор книги полтора месяца (с начала августа до середины сентября 1820 года) пребывал в пушкинском окружении, встречаясь с поэтом и его спутниками (семейством генерала Н.Н.Раевского) на Кавказских водах, по дороге в Тамань и в Крыму. И несмотря на достаточную поверхностность «общего взгляда», характер его дневниковых записей, составляющих основу «Записок...», их бытовая ориентированность, точность при датировке и описании событий, верность в деталях — при перечислении мест, где побывал, километров и времени в пути, имен встреченных лиц — оказываются весьма полезными и привлекательными с точки зрения извлечения информации.

При этом всегда казалось удивительным, что имя Пушкина названо в «Записках...» всего в одной записи (2 августа 1820 г.),

а потом, старательно обозначая все свои встречи с генералом Раевским и его семьей, Гераков избегает даже намеков на присутствие поэта, который, естественно, постоянно находился рядом. Это многих вводило в заблуждение, и потому биографы поэта не часто к ним обращались.

Странная особенность отношения к Пушкину, запечатленная в «Записках...», когда очевидны неизбежные встречи, когда подробно упоминаются его спутники, но упорным молчанием обойдено присутствие самого поэта, столь заметного и уже тогда весьма популярного человека, не может не заинтриговать. Она заставляет предположить, что неупоминание имени на протяжении нескольких недель общения с его носителем, пусть и вынужденного, свидетельствует не об отсутствии встреч и отношений Геракова и Пушкина, а, наоборот, обнаруживает стремление скрыть эти отношения, замолчать их, не обнаружить их даже годы спустя (ко времени издания книги, например, времени самой большой популярности поэта). И тогда чтение скучной книги превращается в увлекательный процесс отыскивания в ней событий и деталей, могущих иметь непосредственное отношение к Пушкину. А прочитанные под таким углом зрения дневниковые записи представляют гораздо более ценный и значимый материал для биографии поэта, чем это принято считать.

Именно в таком качестве — как источник для пушкинской биографии — книга Геракова и является предметом настоящей статьи.

Но сначала несколько строк, необходимых для того, чтобы напомнить о событиях и лицах, которых судьба свела на Кавказских минеральных водах. Гавриил Васильевич Гераков — литератор, автор историко-патриотических сочинений весьма высокого качества, в прошлом преподаватель истории в военных учебных заведениях — летом 1820 года сопровождал в путешествии по России молодого отпрыска одного из родовитых дворянских семейств. 2 августа он встретил в Пятигорске Пушкина, который жил на водах вместе с семейством генерала Н.Н.Раевского с начала июня. Вместе с генералом совершали эту поездку его младший сын Николай, друг Пушкина еще с лицейских времен, младшие дочери Мария (13 или 15 лет) и Софья (годом моложе), их гувернантка Мятен, няня, компаньонка Анна Иванова (татарка по происхождению, крестница генерала), француз В.А.Фурнье, семейный учитель, и доктор Е.П.Рудыковский. Старший сын генерала, Александр Николаевич, ожидал родных

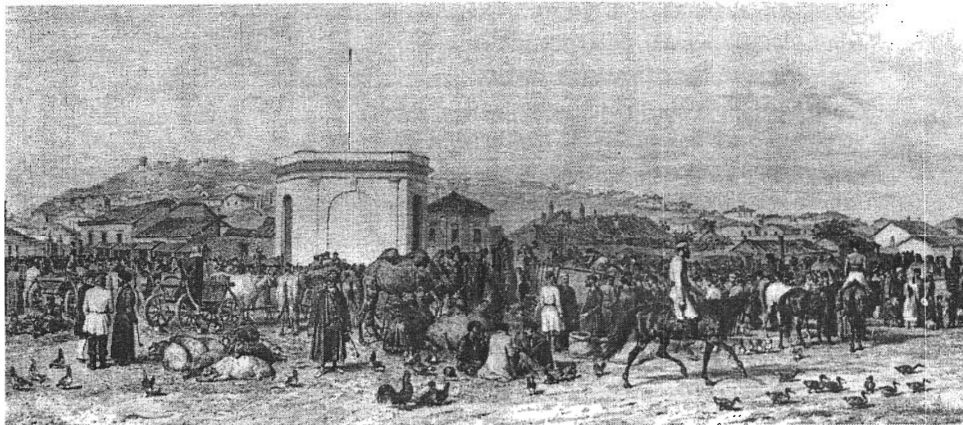
уже на Кавказе, а жена, Софья Алексеевна, со старшими дочерьми, Екатериной и Еленой, должна была встретиться с ними уже в Крыму. С начала августа Гераков иногда посещает генерала и его спутников в Пятигорске, после 6 августа, по дороге в Тамань, сталкивается с ними в пути, потом навещает Раевских в Керчи и в Феодосии, а с 8 сентября почти ежедневно встречается с ними в Симферополе. Можно ли допустить, что при таком обилии встреч Пушкина, живущего вместе с семейством генерала, автор «Записок...» увидел всего один раз?

А.С.Пушкин. Автопортрет. 1921

Вот эта запись в дневнике Геракова 2 августа 1820 года о встрече с Пушкиным в Пятигорске во время приема ванн (она и единственная, где поэт назван по имени): «Тут увидел Пуш[ки]на молодого, который готов с похвальной стороны обратить на себя внимание общее; точно он может, при дарованиях своих; я ему от души желаю всякого блага; он слушал и колкую правду, но смирялся; и эта перемена делает ему честь... ..До ужина опять обнимали нас кисло-серные воды; час времени с Мариным и Пушкиным языком постучали и разошлись»¹.

Уже этот небольшой текст дает представление о характере Геракова: новое (или очень дальнее по Петербургу) знакомство с молодым поэтом не мешает ему тотчас же обратиться к нему с каким-то назиданием или поучением, говорить «колкую правду» (возможно, о каких-то вольностях в разговоре или поведении здесь, на Кавказе, или, возможно, о слухах про высылку из столицы, это невозможно знать); он считает Пушкина повесой, и тут же, вполне бестактно, обнаруживает свое неодобрение. Гераков, по всему судя, принадлежал к любителям учить молодых жить, обсуждать их промахи или просто непонятные ему поступки, выдавать им жизненные рецепты и воспитывать посредством «колкой правды» (к дамам это относится в равной степени).

Старый базар в Керчи и гора Митридат. Литография начала XIX в.

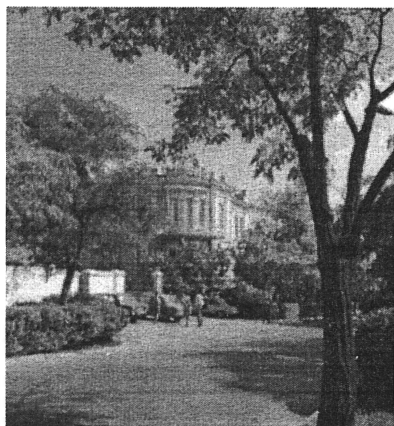
Трудно представить, чтобы Пушкин мог долго терпеть подобное обращение. Видимо, на очередное нравоучение он ответил дерзостью или насмешкой, и наш самолюбивый автор тотчас «закрылся», «исключил» имя неприятного и неудобного для себя поэта из дневника до конца их вынужденного общения. В то время как встречи их продолжались и в Пятигорске, и по дороге Кавказской линии до Тамани, и в Крыму — в Керчи, в Феодосии и в Симферополе, до самого отъезда Пушкина в Молдавию.

Отсутствие имени Пушкина в тексте «Записок...» надолго вывело их из числа источников для биографии поэта, но не всегда. К настоящему времени «дорожная» часть дневника Геракова (описывающая дорогу от Пятигорска до Тамани и далее, до Керчи) прочитана очень внимательно Н.Ф.Веленгуриным и В.П.Казариным, что позволило исследователям выстроить достаточно обоснованную картину переезда Раевских и Пушкина с Кавказа на Крымский полуостров².

Не повторяя здесь хода рассуждений названных авторов, отметим только, какие существенные моменты почти не документированного путешествия Раевских и Пушкина с кавказских вод (в период с 8 по 14 августа 1820 г.) помогли уточнить эти, казалось бы, не очень-то интересные «Записки...».

Прежде всего, это даты: выезда Раевских из Кавказской крепости в Тамань (после встреч с ними Геракова 8 августа в Тежимбеке и 9-го на общем обеде в Кавказской крепости у коменданта А.Ф.Урнежевского) — 10 августа, приезда в Тамань (где Гераков

находился с 12-го числа) — 14 августа после обеда, отплытия в Керчь через пролив и прибытия в Крым — 15 августа в первую половину дня отбыли, а после 5 пополудни (позже Геракова) были в Керчи. Далее установлены возможные (и наиболее вероятные) места их ночлегов — Усть-Лабинская крепость (ныне Усть-Лабинск), Екатеринодар (Краснодар), Копыл (Славянск на Кубани) и Темрюк. Наконец, в «Записках...» названо много имен тех лиц, с которыми Раевские и Пушкин встречались в путешествии: подполковник А.Ф.Урнежевский, атаман Черноморского казачьего войска Г.К.Матвеев, комендант Фанагорийской крепости Каламара, городничий Тамани есаул М.Степанович и командир гарнизона полковник Бобоедов и другие; и не все они названы среди людей пушкинского окружения в справочнике Л.А.Черейского.

Бывшая дача С.М.Бронневского в Феодосии (дом перестроен). Современная фотография

В дополнение к сказанному, стоит отметить, что «Записки...» не подтверждают того, что Раевские и Пушкин ночевали в Керчи в построенной турками крепости Ени-Кале, как иногда сообщается в биографической литературе. Рассказывая о своем посещении генерала в Керчи, Гераков упоминает, что застал генерала «в беспокойстве», потому что «сын меньшей очень болен» — речь о Николае, сильно повредившем ногу в дороге (Александр остался на Кавказе). О крепости упоминания нет, видимо, Раевские и Пушкин ночевали все-таки в городе³.

Еще раз, до того как расстаться надолго, Гераков упоминает Раевского в записи 17 августа, когда навестил его в Феодосии, на даче бывшего градоначальника С.М.Бронневского; в дневнике он снова называет только генерала «с дочерьми и больным сыном»⁴. На следующий день пути Геракова и Пушкина надолго разойдутся. Поэт с Раевскими морем на военном бриге отправится из Феодосии в Гурзуф, а Гераков, не сумев преодолеть страха перед горными опасностями Южного берега, — в Симферополь.

Пушкинские впечатления от пребывания в Крыму отрази-

Набережная в Феодосии. Литография с рисунка А.Фаззарди. 1830-е гг.

лись в двух его текстах — в письме брату Льву Сергеевичу от 21 сентября 1820 года из Кишинева (здесь рассказано о переезде из Азии в Европу через Керченский пролив, о пребывании в Керчи и в Феодосии и о жизни в Гурзуфе). Поездка с отцом и сыном Раевскими по Южному берегу послужила материалом для «Отрывка из письма Д.» в 1824 году; в нем названы другие достопримечательности — Чертова лестница, Георгиевский монастырь, развалины храма Дианы на мысе Фиолент, Бахчисарай и упомянуты скалы Кикинеиза. О последних днях жизни Пушкина в Крыму, проведенных в Симферополе, столице края, мы не знали бы ничего, если бы не «Записки...» Геракова, никаких других о том достоверных (т.е. документальных) свидетельств нет.

Гераков, не желая рисковать на опасных дорогах морского побережья, из Феодосии отправился прямо в Симферополь, приехал туда днем 19 августа и спокойно зажил и на равнине и в приятном городском обществе. Под свою крышу его вместе со спутником принял губернатор А.Н.Баранов.

Некоторые описанные им черты симферопольского быта (например, получаемые Барановым иностранные газеты, чего и помину не было на Кавказе) заслуживают внимания, ведь скоро на несколько дней в этот быт окунется и Пушкин. Тем более что

в газетах тех недель печатались сообщения «о неаполитанском перевороте» — события для людей пушкинского круга чрезвычайно волнующем (но не для Геракова, его душе противно все, что идет не от правительства)⁵.

Гераков быстро знакомится с жителями города, окружением губернатора Баранова — называет в «Записках...» его секретаря Фабра и англичанина Виллиса, дивизионного генерала Удома, семейство Офрейн, семьи докторов Ланга и Мюльгаузена, химика Дессера, эмигранта, «друга и товарища Лавуазье, который кончил дни свои под гильотиною», генерала Балатука и гр. Ностица, вдову знаменитого ученого Палласа⁶. Все эти лица войдут вскоре так или иначе и в круг общения Пушкина. А пока страницы дневника заполнены описаниями знакомств, обедов, бесед с прелестными дамами, мадригалами в адрес некоторых из них, и жизнь его автора протекает вполне идиллически.

Упоминание о приезде с Южного берега А.М.Бороздина с дочерью Марией 27 августа⁷ служит для нас предвестием скорого приезда Пушкина. Бывший таврический губернатор, А.М.Бороздин, родственник генерала Раевского (жена Бороздина Софья Львовна — единоутробная сестра генерала), заранее приехал в Симферополь из Кучук-Ламбата (где у него была дача неподалеку от Гурзуфа и где он Раевских и Пушкина на днях принимал), чтобы подготовиться к приему Раевских и в городе, и в своем имении Саблы (там они все во второй половине сентября и поселились).

8 сентября отец и сын Раевские и Пушкин приехали в Симферополь из Бахчисарая, и Гераков отмечает в дневнике две встречи с генералом в этот день. В первый раз, по-видимому, у губернатора: «...был у приезжих генералов Н.Н.Раевского и гр. Ланжерона (тогда губернатора Новороссии. — *Н.Т.*): увлечениями обоих доволен, приветливостью супруги последнего тоже...», а после обеда уже в доме химика Дессера, где «пристал» (т.е. поселился) генерал Раевский⁸.

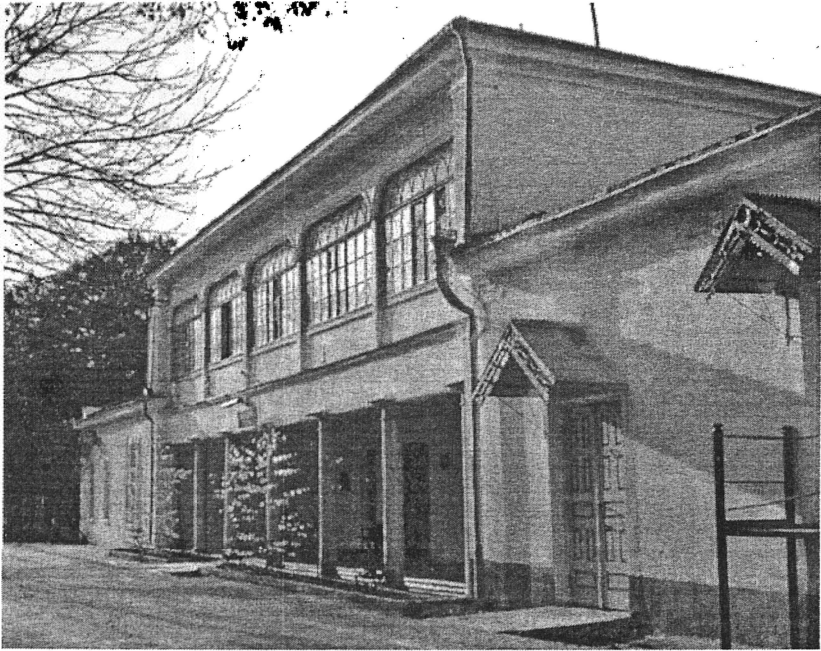
Ни о Пушкине, ни о Николае Раевском-младшем ни слова, что сразу ставит вопрос о том, где жил в городе поэт. Традиция называет три адреса: дом Дессера, дом доктора Ф.В.Мюльгаузена (который, кстати, еще несколько лет назад стоял во дворе д. 24 по Киевской улице) и дом губернатора Баранова. Первые два адреса приходится исключить из-за того, что там обитали большие семьи со взрослыми дочерьми, поселить в них незнакомых молодых людей навряд ли было удобно и прилично.

Самым вероятным представляется третий адрес — губернаторский дом, который Гераков называет «обширным». Если губернатор с такой готовностью предоставил кров Геракову и его спутнику, то о жительстве сына генерала Раевского он никак не мог не беспокоиться. В пользу такого предположения говорит и факт знакомства обоих молодых людей с Барановым еще в Петербурге (он был одним из ближайших друзей Н.И.Тургенева), а также письмо А.И.Тургенева от 3 ноября 1820 года в Варшаву П.А.Вяземскому: «Баранов, симферопольский губернатор, уведомляет нас, что Пушкин-поэт был у него с Раевским и что он отправил его в лихорадке в Бессарабию»⁹. Биограф Пушкина Б.Л.Недзельский трактует это письмо именно в том плане, что поэт жил в доме губернатора.

А всего более в пользу такого предположения говорят «Записки...» Геракова. 9 сентября последняя в них спокойная и безмятежная запись — о большом обеде у губернатора в честь приезжих генералов, на котором были «...Н.Н.Раевский, гр. Ланжерон, А.М.Бороздин с голубокою... дочерью своею, фамилия Офрейн и другие...», неназванные Пушкин и Николай Раевский, естественно, тоже там были¹⁰. Со следующего дня характер дневниковых записей резко меняется: почти ежедневно автор упоминает «молодых людей», очевидно мешающих ему жить, тон записей становится раздраженным и полемичным, в них появляются длинные пассажи о коварстве, злобе, невежестве и — о необходимости терпеть и смиряться. «Раздраженные» записи встречаем 10, 12, 13, 14, 15 и 17 сентября. Только после отъезда Пушкина из Крыма автор дневника постепенно успокоится и вернется к прежнему довольству жизнью.

«Молодые люди», в которых никого, кроме Николая Раевского и Пушкина (как известно, больших шалунов в юные годы), заподозрить невозможно (потому что никаких других молодых приезжих, кроме спутника Геракова, в те дни в городе не было), видимо, сильно докучали Геракову. Ему много пришлось терпеть от них, тем более что поводов для насмешек и иронии он давал предостаточно. Но чтобы так сильно докучать, надо много времени проводить вместе. Именно жизнь в одном доме с общим ежедневным распорядком, трапезами, ежевечерними беседами в кабинете губернатора, частыми развлечениями и увеселениями, в которых принимали участие все гости Баранова, несомненно давала шалунам возможность не оставлять Геракова в покое.

Дом А.М.Бороздина в имени Саблы под Симферополем (ныне пос. Каштановое). Современная фотография

И, продолжая летопись симферопольской жизни, автор «Записок...» перемежает ее сентенциями и выпадами против своих обидчиков. Пушкин очевидно раздражает его. 10 сентября все, бывшие накануне на обеде у губернатора, приглашены в Саблы, имение Бороздина. Гераков, оттесненный из ставшего привычным центра компании большой группой вновь приехавших в город гостей и, похоже, уязвленный этим, записывает: «Много было за обедом, и высокопарные разговоры о разных предметах заставили меня не внимать оным... Я, сидя между девиц, учился быть кротким... («высокопарные» разговоры для него — это любые серьезные разговоры, в которых затрагиваются проблемы современной жизни, они ему чужды и неприятны. — Н.Т.) После обеда гуляли в саду, потом танцевали... в 10 ч. вечера приехали домой; Баранов... читал нам Броневского мысли о южном берегу Крыма...»¹¹

А дальше следует длинный пассаж о невеже, который хотя и получил модное воспитание, хотя болтает на иностранных языках, но «ни на одном не умеет мыслить». Видимо, Гераков

Вид Бахчисарая. Картина Ж.К.Мивилия. 1818

говорил только на русском и родном греческом. И далее уже прямо адресуясь к поэту: «Ничто меня так не беспокоит, как молодой человек со способностями, Богом данными; проводит время в праздности, кажется, с удовольствием обнимается с невежеством». На следующий день он убеждает себя в необходимости прощать того, кто «обидел нас, сделал зло». 12 сентября, не сдержавшись, Гераков бранит «эгоистов», которые «подлы, горды и несносны», а днем позже вспоминает упреки, которые сделали ему его обидчики — «для чего я предпочитаю общество нежного пола перед мужчинами?», и отказывается участвовать в коллективной поездке в Бахчисарай, «чтобы доказать молодым людям, что имею характер, что чувствую себя»¹².

Раздражение автора «Записок...» усиливается настолько, что он и в обществе позволяет себе выпады против Пушкина. 14 сентября описан эпизод, в котором рассказано, как его рассуждение за обедом о глазах, в которых злая сущность человека непременно выразится, вывело из себя одного из гостей (по реакции судя, похоже, что это был Пушкин), который «побледнел, глаза налились кровью, и он начал уверять, что весьма часто можно ошибиться в заключениях, если будем судить о человеке по глазам»... «а мы решительно утвердили,

что сей человек, конечно, злой...» Похоже, и Гераков поэта тоже «достал», заставив выскочить из-за стола, не дождав-шись кофе¹³.

15 сентября в доме губернатора собралось на бал полторы сотни гостей. В подробном его описании есть строки, которые вновь обращают наше внимание к Пушкину: «...и, к удивлению, танцевали французскую кадрили (танец этот недавно начал входить в моду. — *Н.Т.*) так хорошо, что и в столице одобрили бы. Жаль только, что один кавалер, мой товарищ, умел хорошо танцевать в этом благородном танце; второй был губернатор, третий, не учась, я, четвертый какой-то во фраке, который такие делал прыжки и скачки, что я, боясь за него, велел запереть окна, а то, пожалуй, улетел бы»¹⁴.

Почему «какой-то во фраке» упомянут один, а не совокупно: «молодые люди», понятно, Раевский не танцевал из-за больной ноги. А для Пушкина, который совсем недавно уехал из столицы, танцевать любил и умел, французская кадрили никакая не новость (как для жителей провинциального Симферополя). И хотя Гераков и вложил весь свой сарказм в описание его танца, надо признать, что оно соответствовало пушкинской манере двигаться и танцевать. Одна из современниц годы спустя была поражена ею и даже приняла поэта за иностранца, так как «он танцует и ходит как-то по-особому, как-то особенно легко, как будто летает, весь какой-то воздушный»¹⁵.

16-го запись о знакомстве за обедом с приехавшим двоюродным братом Баранова кн. И.Ф.Голицыным, штаб-офицером гусарского принца Оранского полка. 17-го Гераков пишет о том, что застал у Дессера старшую дочь Раевского, Екатерину, следовательно, жена и дочери генерала в эти два дня, 16 или 17 сентября, приехали с Южного берега.

В тот же день, 17 сентября, последняя, по нашему мнению, запись, в которой Пушкин упоминается среди симферопольских жителей: «За обедом у Баранова были два шалуна С.-Петербургских; говорили такой вздор, что все рады были, когда они уехали»¹⁶. Напомним, что «вздор» для Геракова — это любые серьезные разговоры на все актуальные темы, в том числе и вольнолюбивые; а что «уехали» оба, так это означает, что Николай Раевский, скорее всего, поехал проводить Пушкина до первой почтовой станции, как это было принято, ведь расставались они надолго.

Автор дневника не сразу успокоился с отъездом Пушкина, че-

рез день, 19 сентября, он посвятил две страницы разбору характера так называемого «путешественника», отбывшего из города, и по пунктам осудил его, не удержавшись и от шпильки вполне бытового и личного характера: «Странно и то, что некоторые, с именем путешественника, занимают в одном городе деньги, чтобы доехать до другого, и уверяют, что несчастливы»¹⁷. Ситуация эта вполне соотносится именно с Пушкиным, который уехал в мае из Петербурга, получив 1000 рублей на дорожные расходы, и еще какие-то деньги ему дал отец (еще тысяча, гонорар за издание поэмы «Руслан и Людмила», отправленная И.Н.Инзову для передачи поэту, надо полагать, дожидалась его в Кишиневе), но за почти пять месяцев странствий и переездов по просторам империи от этих денег навряд ли что осталось. Так что заем был необходим. И еще раз отметим: такая осведомленность Геракова о личных делах и обстоятельствах Пушкина предполагает достаточно близкое общение, что могло быть обеспечено существованием под одной крышей, в губернаторском доме.

Гераков же, выплеснув в дневнике все накопившееся против поэта раздражение, вновь зажил спокойно, а тон его записей сменился прежним сентиментальным довольством.

«Путевые записки по многим российским губерниям» оказались, таким образом, очень интересной книгой, и читать ее почти через двести лет было не только увлекательно, но чрезвычайно полезно. Полтора месяца из жизни неназванного в них Пушкина обрастают под пером ее автора событиями и содержанием, а последние десять крымских дней, время пребывания в Симферополе, благодаря ей, перестают быть одним из белых пятен биографии поэта.

Почти каждое из названных событий жизни симферопольского общества в эти десять дней не просто вписывает их в летопись жизни поэта. Но вносит некие новые сведения, черты, детали, уточнения, позволяющие снять многие накопившиеся за десятилетия вопросы, предположения и легенды, которыми жизнь Пушкина, к сожалению, все еще изобилует.

Запись *об обеде у губернатора 9 сентября* не только отмечает факт участия Пушкина в событии, не только называет имена присутствовавших особ, многие из которых войдут в число знакомых поэта, но и свидетельствует, что знакомство поэта с гр. А.Ф.Ланжероном и его супругой состоялось именно здесь (в биографии поэта знакомство это отнесено к августу 1823 года, когда он переехал из Кишинева в Одессу).

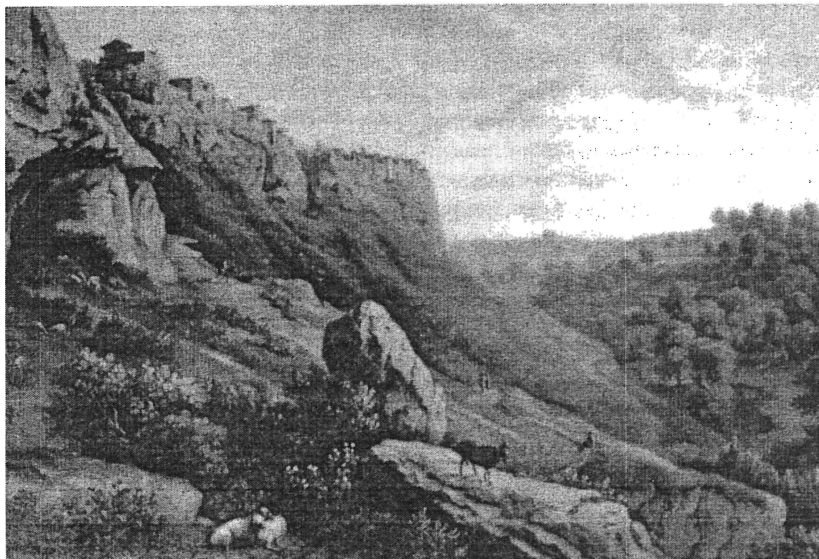

Успенский скит под Бахчисараем. Литография Ф.Гросса. 1830-е гг.

Рассказ *о поездке* всего городского общества, а следовательно, и Пушкина, *10 сентября в имение А.М.Бороздина Саблы* устанавливает факт посещения этого места поэтом, подтверждает высказывавшиеся прежде робкие и лишенные доказательств предположения о том. Это место (ныне поселок Каштановое в пятнадцати километрах от Симферополя) должно непременно входить в перечень тех, где поэт несомненно бывал.

Сетования Геракова на то, что «молодые люди» помешали ему со всеми вместе отправиться *13 сентября в поездку в Бахчисарай* (а сами-то поехали, это бесспорно из его текста следует!), содержит очень важное свидетельство второго посещения Пушкиным Бахчисарая (в первый раз он был там 8 сентября, но из-за лихорадки видел только ханский дворец). А это значит, что и знаменитые окрестности ханской столицы — Успенский скит и город-крепость Чуфут-Кале поэт тоже видел, побывал там. Ведь губернатор Баранов не мог не показать своим именитым гостям эти самые значительные и легендарные места симферопольской округи. Так глухие догадки краеведов обретают неоспоримое подтверждение.

Описание пушкинского танца *на балу у губернатора 15 сентября* не только пронизано сарказмом автора и поражает неожидан-

Пещерный город-крепость Чуфут-Кале. Картина Ж.К.Мивилия. 1818

ной точностью наблюдения. Оно влияет на определение даты отъезда Пушкина из Крыма, которая до сих пор не определена точно. Разные биографы называют ее по-разному, в пределах 12(?)–17(?) сентября, а Летопись – 12(?)–14(?) сентября 1820 года. Но если поэт танцевал на этом балу, значит, до 16 сентября он точно уехать не мог.

Особо нужно отметить, что благодаря Геракову дата эта наконец-то найдена окончательно: к великому облегчению автора «Записок...», Пушкин покинул Симферополь днем, после обеда, *17 сентября 1820 года.*

Признать ее безоговорочно до сих пор мешают, как нам кажется, два неверных, но исторически сложившихся допущения.

Во-первых, почти все биографы считают, что Пушкин по дороге в Кишинев заезжал в Одессу и несколько дней прожил там. Никаких указаний на этот факт не существует, однако во всех биографиях и хрониках он назван – ну не мог Пушкин проехать мимо такого замечательного города, и все тут!

Но мы все как-то забываем, что Пушкин, находясь на службе, в своих передвижениях не был волен. Они были ограничены предписаниями начальства и подорожной – документом, фиксирующим маршрут следования и количество положенных от поч-

товых станций лошадей. Поездка на Кавказ и в Крым с генералом Раевским — счастливое в служебной жизни поэта исключение, он был отпущен на вольную жизнь по просьбе генерала. Теперь, возвращаясь под начало И.Н.Инзова, поэт вновь становился чиновником и утрачивал ту свободу передвижения, какой наслаждался все лето. Отправляясь в Молдавию, он должен был получить подорожную, в которой указан маршрут и которую он должен был отмечать на почтовых станциях при каждой смене лошадей, и следовать этому маршруту, как положено всякому едущему по служебной надобности человеку. Слова губернатора Баранова о том, что он «отправил» Пушкина в Бессарабию, как раз и подразумевают наличие документов, организующих этот переезд. В этом случае уже невозможно «заехать в Одессу» и просто пожить там несколько дней. И нельзя забывать еще одного деликатного обстоятельства: если Пушкин занимал деньги на дорогу в Кишинев, мог ли он себе позволить «пожить» в Одессе, городе дорогом и незнакомом? Впрочем, проехать через Одессу, задержаться там на несколько часов и в последний раз взглянуть на море Пушкин вполне мог, маршрут это позволял. Но не более того.

Во-вторых, время на дорогу от Симферополя до Кишинева, рассчитанное М.А.Цявловским для Летописи и принимаемое как данность, на наш взгляд, не вполне соответствует реальности. Исследователь предполагал, что она заняла у Пушкина не менее пяти-шести дней, и обозначил время в пути так: Сентябрь, 12(?)–17(?). Он отчасти ориентировался на письмо Н.М.Муравьева, который сообщал матери, что они с М.С.Луниным ехали от Одессы до Саблов шесть дней вместо двух, и не привел других, более точных соответствий¹⁸.

И тут совсем неожиданно на помощь нам вновь приходит Герарков, который подробно, по часам, расписал свою дорогу от Симферополя до Одессы. 460 верст он со своими спутниками и четырьмя экипажами проделал за четыре дня, причем каждую ночь они останавливались на ночлег и ехали вполне неторопливо (в первый день проехали 130 верст, во второй около 150, в третий — 59 и в четвертый — 120 верст). А общее количество часов, проведенных собственно в дороге, составило не более тридцати (даже чуть меньше), т.е. немногим более суток (сутки с четвертью) «чистой» езды¹⁹.

Пушкин ехал только со слугою, в одном экипаже на тройке лошадей, ему совершенно не обязательно было ночевать на станциях, он вообще не очень любил почтовые станции и час-

то ездил ночью. Его путь был длиннее дороги Геракова всего на 190 верст. Так что уложиться в четверо суток (а он приехал в Кишинев вечером 21 сентября) особого труда не составило. Таким образом, дата отъезда Пушкина из Крыма получает подкрепление и этим довольно простым расчетом.

Наконец, «Записки...» Геракова, как всегда, и в симферопольской своей части, содержат немало сведений о людях, составлявших городское общество, несомненно с Пушкиным общавшихся, но их имена до сих пор не названы среди лиц пушкинского окружения. Эти имена надо аккуратно извлечь из текста «Записок...» и назвать, наконец, среди знакомых поэта. Среди них непременно окажутся сотрудники губернатора Баранова (Фабр и Виллис), и чины военного командования (генералы Удом и Балатук, полковник гр. Ностиц), и кузен Баранова И.Ф.Голицын (это имя никогда не всплывало в пушкинском ряду, а ведь они, как минимум, два раза вместе обедали за одним столом), и жители города (семейство В.Д.Офрейна, доктора П.И.Ланг и Ф.В.Мюльгаузен).

У Геракова иногда проскальзывают детали бытовые и, казалось бы, совсем незначительные, но они порой позволяют додумать и угадать существенные вещи. Почему-то приезжие все болели: Пушкин приехал в лихорадке, тяжело болел спутник Геракова, повреждена была нога у Николая Раевского; оказывается — и доктор П.И.Ланг тоже был болен в какие-то дни. Значит, лечил гостей губернатора доктор Ф.-В.Мюльгаузен. И в таком случае стойкая городская легенда о знакомстве Пушкина с этим весьма известным и уважаемым человеком получает подтверждение, совсем простое и непосредственное.

Нет, замечательная книга «Путевые записки...» Геракова. Она наверняка содержит и еще какие-то сведения о пребывании Пушкина в Симферополе, и, возможно, не раз еще придется ее просмотреть, чтобы собрать все их в летописи и в биографии поэта. Что же касается данной статьи, надеюсь, она дает некоторое представление о ценности книги для изучения биографии Пушкина.

¹ *Гераков Г.В.* Путевые записки по многим российским губерниям. Т. 1. СПб., 1828. С. 99. Марин Аполлон Никифорович, военный писатель и поэт, участник войны 1812 г., бывший ученик Геракова в кадетском корпусе; с Пушкиным он был знаком с лета 1816 г., когда был офицером лейб-гвардии Финляндского полка и жил в Царском Селе.

² *Веленгурин Н.Ф.* Дорога к лукоморью: Очерки. Краснодар: Кн. изд-во, 1976 и 1984 (2-е изд.); *Казарин В.П.* Когда Пушкин впервые увидел берега Крыма? // *Временник Пушкинской комиссии.* Вып. 26. СПб.: Наука, 1995. С. 185–192.

³ *Гераков Г.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 119–120.

⁴ Там же. С. 123.

⁵ Там же. С. 129.

⁶ Там же. С. 129, 132, 148, 152, 153.

⁷ Там же. С. 142.

⁸ Там же. С. 156.

⁹ Остафьевский архив князей Вяземских. Изд. гр. С.Д.Шереметьева. СПб., 1899–1913. Т. 2. С. 99–100.

¹⁰ *Гераков Г.В.* Указ соч. Т. 1. С. 158.

¹¹ Там же. С. 160–161.

¹² Там же. С. 162, 166, 169–170, 171.

¹³ *Гераков Г.В.* Указ. соч. Т. 2. С. 6–7.

¹⁴ Там же. С. 9.

¹⁵ *Колосов В.И.* А.С.Пушкин в Тверской губернии в 1827 году. Тверь, 1888. С. 13.

¹⁶ *Гераков Г.В.* Записки. Т. 2. С. 13. До 17 сентября в городе не было других «петербургских шалунов», кроме Раевского и Пушкина. Но именно 17-го в Крым из Одессы приехали Никита Муравьев и М.С.Лунин; они пробыли в пути больше пяти суток и, по всему судя, проехали сразу в имение Бороздина Саблы и оттуда Н.М.Муравьев писал вечером матери. Но может быть, они заехали к Баранову, с которым, несомненно, были знакомы по Петербургу, и отправились в Саблы уже после обеда. Правда, трудно вообразить, чтобы только что появившиеся в доме, уставшие после длительной дороги путники сразу же начали дурачиться или, наоборот, пустились в серьезные разговоры среди незнакомых людей за столом у губернатора, тем более что Н.М.Муравьев никогда «шалуном» не был, а М.С.Лунин шалил совсем иначе.

¹⁷ Там же. С. 26–27.

¹⁸ *Летопись жизни и творчества Александра Пушкина / Сост. М.А.Цявловский.* В 4 т. Т. 1. М.: Слово/Slovo, 1999. С. 201, 495.

¹⁹ *Гераков Г.В.* Указ. соч. Т. 2.

БИБЛИОФИЛЫ РОССИИ

Альманах

Том VIII

ЛЮБИМАЯ РОССИЯ
Москва 2011